

Есть в комсомольском Уставе простые слова. Они, как клятва. Они, как приказ. Трудно, почти невыполнимо, но надо. Надо! И плли молодые пары и девчата на штурм Перекопа, веря, что через четыре года здесь будет городсад, строили Днепротас, возводили Магнитку и Комсомольск, в годы войны закрывали грудью амбразуры дотов. Надо! Родина требует! Отчина зовет! Эти призывы взметывали миллионы. В первый же день гилзового сорок первого ребятами с алыми значками на груди были переполнены военкоматы. Надо! И уходили на фронт комсомольские батальоны. Надо! И росли отряды народных мстителей в тылу врага.

Никто из них не жаждал славы. И каждый из них считал ее. В них жила юный солдат, любовь к Родине и традиции отцов. Они оказались верны всему этому. Обо всех и всего сейчас не расскажешь. Но наша память постаралась сохранить в себе образ каждого героя. Если даже ему не

ходилась во власти беловцев. Фронт был где-то далеко, там, на востоке, а здесь уже были наши! Однажды, после долгих препирательств с часовым в штаб первого кавалерийского полка прорвались двое мальчуганов. Измызганных и порядком отоцавших.

— Кто такие? — грозно востопорщил «чапаевские» усы командир Фактор.

— Да вот, говорю по важному делу, — смущенно оправдывался часовой. — Гнал я их, товарищ командир, никак не уходят. Не стрелять же?

— Ну раз прорвались, докладывайте. С чем пожаловали? — усмехнулся тот.

— Подождите. Григорьевич. А ведь я их, по моему, знаю, — остановил командира старший батальонный комиссар Курашинов. — Вы Егоровы. Так? Ты — Анатолий, а ты — Вячеслав. Правильно?

— Так точно! — вытянулись мальчишки.

— Сдается мне, что вы хотите в корпус? — прищурился комиссар.

будь снарядов достать? Если сможешь — великое тебе спасибо от коннаков будет.

— Попытаться вообще-то можно, — почесал пяткой о пятачку Анатолий. — Только вот обещать...

— А ты и не обещай, — посоветовал Фактор. — Эй, кто там! — крикнул он. — Пригласите ко мне Егера.

Через несколько минут в комнату, гремя пашкой, ввалился огромный кавалерист.

— Возьмешь мальчика, — торкнув пальцем в Анатолия Иосиф Григорьевич, — и попытайтесь раздобыть с ним хотя бы десяток снарядов для зениток.

— Слушаюсь, товарищ командир, — прицелкнул каблучками тот. — А ну, пойдём, — кивнул он Анатолию.

Они тогда облазили весь район. Добрались до Буды. Это была уже зона, оккупированная врагом. И как раз там им повезло. В лесу они обнаружили несколько ящиков зенитных снарядов. С трудом договорились с местными крестьянами. Подрядили па-

ШЕЛ МАЛЬЧИШКЕ 15 ГОД...

было присвоено официально столь высокого звания. Но как, какими другими словами назвать тех, кто не по долгу, а по велению сердца в тяжёлую годину испытаний, выпавших на долю страны, встал плечом к плечу со старшими, паравне с ними испытал все тяготы военного бремени, выстоял и зажег над планетой солнце, может быть, самой из величайших наших побед.

— Что такое четырнадцать лет? В наше время в таком возрасте своим сыновьям мы сами застегиваем пальто. Как бы не проследовало. А мальчишки шли на передовую, участвовали в лихих рейдах и жестоких боях. Одного из них я хорошо знаю.

Сын коммуниста и сам коммунист, он, по сути дела, ребенком пошел на фронт. От рядового бойца дослужился до командира корпуса т. Белов и комиссар полка т. Курашинов. В четырнадцать мальчишеских лет он получил свою первую боевую награду — медаль «За отвагу». В пятнадцать был удостоен ордена Красной Звезды, в шестнадцать — ордена Славы третьей степени. После войны он заочно окончил институт. И это, говоря откровенно, тоже подвиг. Имя этого человека Анатолий. Анатолий Ильич Егоров. А ратный подвиг его начинался так.

Уже второй месяц город на-

— У меня на детский сад, — недовольно фыркнул командир. Мальчишки поникли.

— Подожди, Иосиф Григорьевич, — мягко остановил его комиссар. — Этих парней, как уже говорил, я знаю. Это ж боевые хлопцы. При прорыве партизан они взяли под свою охрану пекарню и комендатуру. Весь хлеб и все документы передали тогда командованию. А вооружены были, знаешь чем? — он расшаркался. — Одной гранатой без запала. Представляешь? Может возьмем хлопчиков?

— Гранатой без запала, говорю. — А что, где родина?

— Сестра в партизанах, отец — в армии, — заторопился Анатолий. — С нами — одна мать. Не прокормится нам. Славка вот, — подтолкнул он брата, — на любой трубе сыграть может. Возьмите нас, дяденька.

— Дяденька, — передразнил Толика Фактор. — Тоже мне племянник нашелся! Ищите рапорты, — подмигнул он комиссару. — Кстати, ты хорошо местные леса знаешь?

— Отлично! — с готовностью откликнулся Анатолий.

— Да ты не таянись, — усмехнулся командир. — Тут видишь ли, брат, какое дело. Есть у нас четыре зенитных пушочки. Только проку от них без снарядов ни на пшик. Фрицы это, видать, тоже усекли. Вконец обнаглели. Летают даже днем. Без всякой совести. Пугнуть бы их, а нечем. Сможешь ты хоть сколько-ни-

ру подвод. Загрузились нормально. Однако только тронулись в путь, на дороге затрещали мотоциклетные моторы.

— Живо в подлесок! — прошипел Булев.

Завернули подводы, зажали морды лошадям. Все обошлось. Снаряды доставили в распоряжение полка. Примерили. Как раз того калибра, который требуется. А вот стрелять неслезя. Нет у орудий прицельных трубок. Взяли тогда кавалеристы пустую гильзу, выбили у нее из днища пистон, потерек переключательный жеманчик с пулевым выключателем. Больше по-видимому они и не совались.

— Спасибо, сынок, — сказал при встрече Анатолию Фактор. Этого стержитника можно записать на свой счет. Расте! И главное на своей земле. Дойди, сынок, до победы! Пусть тебя минуют пальная Пуля, и острый штык. Живи, сынок!

Он выжил. У него на военных дорогах было всякое. Об этом можно было бы написать целую книгу. Но разве дело в этом? Он всегда почему-то с особой охотой вспоминает начинку своей боевой библиотечки, которую огульно получил тогда. Она ему всего дороже. Наверное потому, что — первая.

В. КРАСИЛЬНИКОВ.

Канун Первомая. Засе- дания завкома. По- водятся итоги социалистиче- ского соревнования. Абсо-

В ТРУДЕ, КАК В БОЮ